

Юрий Першин

ИСТОКИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ: ОТ АНТРОПОИДА К АНТРОПОСУ

В статье рассматривается принципиальная схожесть мышления человекообразных обезьян и человека, что дает понимание мышления древних гоминид как промежуточного звена между обезьяной и человеком.

In the article the author examines the principal resemblance of mentality of apes and humans that gives understanding of mentality of hominids who represent transitional stage between apes and humans.

Как бы человек ни старался отгородиться от своих предков-гоминид, человекообразных обезьян, это ему вряд ли удастся сделать, так как все больше исследований, проводимых в области изучения предков человека, говорят о том, что пропасть между человеком и его ближайшим предком, который сохранился в практически неизменном виде до сих пор – человекоподобными обезьянами, – совершенно не велика. Как считает Д. Мак-Фарленд, по мере увеличения наших знаний о поведении животных, «различия между человеком и животным начинают сокращаться» [7, С. 440]. По мнению Л. А. Фирсова, «ни язык, ни способность оперировать орудиями не отделяют нас от антропоидов. Тем более этого нельзя сказать об интеллекте, памяти, способности к абстракции и иных высших психических функциях» [12, с. 5]. Психология также уже достаточно давно определилась с тем, что «мозговые механизмы психических процессов человека име-

ют много общего с механизмами психики животных. Общий характер строения и работы нервной системы у всех млекопитающих один и тот же [8, с. 23–24]. Конечно следует иметь в виду, что некоторые различия (иногда довольно значительные) человеческой психики с психикой приматов существуют, и, как считает К. Э. Фабри, по поведению современных обезьян и других животных можно судить только об уровнях и направлениях психического развития, которые привели к формированию человека, и об общих закономерностях этого процесса [11]. Именно этого нам вполне достаточно для того, чтобы понять, какими механизмами психики обладал первый человек, среднее звено между обезьяной и человеком и насколько они были развиты.

Постараемся рассмотреть, какие особенности и черты мышления человекообразных сходны с человеческим мышлением для того, чтобы определить, что именно отличает человека от обезьяны и что приобрел человек тогда, когда постепенно начал становиться человеком.

Прежде всего следует заметить, что человек, как и обезьяна, является социальным существом, ведущим общественный (стаинный) образ жизни, и те черты и особенности мышления человека, которые мы считаем присущими ему, получили развитие именно в обществе, каким бы это общество ни было. Именно в стае человекоподобные приматы, как и человек в своем обществе, вступают в социальное взаимодействие, которое оказывает на них воздействие гораздо сильнее, чем оказывает воздействие окружающая среда, природа. Так, к примеру, Н. Хамфри [29, р. 303–317] заявляет, что максимальное использование приматами своих высших интеллектуальных способностей было вызвано условиями существования в социальной группе, а не необходимостью решения других практических проблем, возникающих в общении с природной средой. А быстрые и резкие изменения социального окружения, считает де Ваал [38], требуют значительно повышенного уровня интеллекта. Более того, по мнению Н. Н. Иорданского [3], наиболее жизнеспособными оказывались те стаи, в которых наследственно закреплялись такие формы поведения, обеспечивающие снижение взаимной агрессии и помощь более слабым животным в своей стае.

Созвучно этому мнению и Я. Я. Рогинский [9] выражал уверенность насчет того, что и в более поздние времена постоянно проходил такой же социальный групповой отбор, который был благоприятен для тех сообществ древних людей, в которых преобладали более *развитые в социальном отношении индивиды*. Такой отбор сопровождался совершенствованием *тормозных* (заметим для себя: репрессивных) *механизмов мозга*, которые позволяли снизить взаимную агрессивность, а также способствовали снижению распыления внимания и его лучшей

концентрации, а также накоплению знаний на основе своего и чужого опыта.

Однако, возвращаясь к исследованиям приматов, следует отметить, что, признавая значительную роль социального взаимодействия, Дж. Гудолл [2, с. 429] считала, что именно в этой сфере у них происходит оттачивание приспособительной деятельности. Каждому примату-участнику сообщества необходимо хорошее *понимание причинно-следственных связей*, применения и усиленного совершенствования в соревновательной среде своих познавательных способностей для того, чтобы достичь своей цели в этом сообществе себе подобных, а также для получения и поддержания своего социального статуса. По ее наблюдениям, с возрастом самцы приматов естественно изменяют статус в стадной иерархии, и при этом факторами в этой борьбе, помимо прочих, являются способность вступать в коалиции, интеллект, инициатива, изобретательность и упорство.

В обществе приматы выказывают большое количество навыков, которые роднят их с людьми. Прежде всего, собрано достаточно доказательств, что приматы обладают педагогическими навыками (способностью именно *обучать* своих детенышей) и используют их как в лаборатории [27, р. 280–292], так и на свободе [15, р. 530–532], используют обман [39, р. 276–281], выказывают очевидное сострадание и сочувствие [16, р. 149–150], могут прекрасно имитировать кого-то и подражать кому-то [22, р. 223–265; 32, р. 17–83] и даже воображать «возможные миры» [21, р. 609–627], играть с воображаемыми объектами [28; 35, р. 224–237] и испытывать что-то похожее на спонтанное озарение при решении задач [30]. В обществе для приматов становится жизненно необходимым нарабатываемое умение *планировать свои действия внутри сообщества и манипулировать поведением своих сородичей*, но именно эти качества и относятся к сфере разумного поведения [2, с. 579–580].

Помимо прочего, в результате наблюдений за социальной жизнью приматов исследователи Р. Бирн и Э. Уайтен [19] в конце 80-х годов выдвинули теорию, согласно которой большой мозг у примата появился в результате постоянной необходимости вести сложнейшую психологическую игру в условиях сложных социальных групп. Эта гипотеза получила название «макиавеллианская гипотеза происхождения интеллекта», а позже Р. Бартоном и Р. Дунбаром [13, р. 240–263] была выдвинута гипотеза «социального разума». Приматы, как замечалось, отличались от неprimатов прежде всего из-за их продвинутых социальных навыков, таких, как использование тактического обмана и формирование коалиции. Наблюдаемые ими примеры продвинутых социальных способно-

стей и навыков у шимпанзе оказались столь многочисленными, что никак не могли быть приняты за случайность. Хитрости, обманы и интриги, применяемые приматами для достижения своих целей, были такими изощренными, что исследователи с абсолютной уверенностью сделали заключение о том, что эти уловки являются необходимыми повседневными приемами поведения и условиями существования в сообществе [19]. Более того, Ф. Доль [25, р. 43–57] описывает обезьян, которые могли просчитывать решение задачи на несколько шагов вперед (на пять шагов вперед), чему определенно могли бы позавидовать некоторые шахматисты.

Немаловажным будет уточнение, что важным фактором, который влияет на более активное «политическое» поведение приматов в неволе, является ограничение территории, на котором живет сообщество. Следует предположить, что на продуманные хитрости и уловки приматов толкает их *повышенная скученность на ограниченной территории*, которая создает серьезную напряженность в социальных отношениях и заставляет их прикладывать все возможные усилия для снижения напряженности и урегулирования конфликтов. Иными словами, условием развития мозга примата, как считают Р. Бирн и Э. Уайтен, более является социальное «давление» внутри сообщества приматов, чем какие-то внешние, природные ограничения. Р. Дунбар [26, р. 285–298] особо подчеркивал, что в построении и поддержании отношений в обширных социальных группах, а также в способности управления ими крайне важна роль интеллекта приматов, который уже должен быть достаточно хорошо развит. Отсюда можно сделать вывод о том, что между плотностью социальной группы приматов и развитием их мозга и интеллекта существует взаимосвязь. Плотность социальной группы порождает социальную напряженность, которая способствует усилению работы интеллекта и его развитию, что, в свою очередь, ведет к улучшению способности приматов к сосуществованию в сообществе. Необходимо еще раз подчеркнуть, что «политическое» поведение приматов, фактически является результатом подавления ими желания сделать что-то немедленно и получить удовлетворение желания тотчас после его появления. В психоаналитической парадигме это явление объясняется сосуществованием и противостоянием двух принципов поведения – «принципа удовольствия», который направляет субъекта к немедленному удовлетворению желания и «принципа реальности», который соотносит желание с требованиями реальности и откладывает его удовлетворение на некоторое, иногда довольно продолжительное

время¹. Именно проявления такой способности приматов откладывать удовлетворение своих желаний на неопределенное время и является той общей чертой, которая тянется от них через древнего человека к современному человеку.

Однако такая «репрессивность» по отношению к осуществлению желания задается не только действиями в соответствии с принципом реальности, который уже «встроен» в мышление приматов, а затем и человека. Реальность напоминает о себе и иным образом. К примеру, К. Э. Фарби в результате исследований пришел к выводу о том, что в обычных (скажем, нерепрессивных) условиях предметно-орудийная деятельность приматов никогда не могла бы перерасти в трудовую без коренных изменений в поведении, аналогичных изменениям в поведении приматов в *экстремальных* условиях. Этот феномен Фарби назвал «компенсаторным манипулированием». Дело в том, что в естественной среде приматов окружает большое количество предметов, пригодных для манипулирования. А в экстремальных условиях, т. е. в резко обедненной среде, при отсутствии такого количества предметов, пригодных к манипулированию, у них происходит перестройка манипуляционной активности. Следует обязательно упомянуть еще и то, что в природных условиях обилие предметов для манипулирования *распыляет внимание* приматов. В экстремальных условиях – условиях клетки – их рассеянное внимание (как и манипуляционная деятельность) сосредотачивается на нескольких предметах, данных экспериментатором. С ними приматы и производят манипуляции. Но при этом взамен разнообразных рассеянных манипуляций со многими предметами в природе животные производят не менее разнообразные, но интенсивные, сосредоточенные, длительные манипуляции с одним или немногими предметами. При этом разрозненные двигательные элементы концентрируются, что приводит к образованию значительно более сложных манипуляционных движений. Здесь, как считает Фарби, в крайне бедной предметами среде происходит *компенсация* естественной потребности приматов в манипулировании многочисленными и разнообразными предметами *качественно новой формой манипулирования* – компенсаторным манипулированием [11], которое по сути является сублимативным, или замещающим. Таким образом, Фарби по-

¹ Возможно, что свидетельства, приведенные Дж. Гудолл о том, что самец шимпанзе не вступал в половые отношения с самкой шимпанзе, откладывая их на следующий день, говорят о том, что человекообразные могут откладывать не только удовлетворение несексуальных, но и даже сексуальных желаний и инстинктов. См.: Goodall, J. The chimpanzees of Gombe: Patterns of behavior. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1986.

лагают, что основой зарождения трудовой деятельности человека могли послужить именно такие, радикально новые, в корне измененные, концентрирование и углубленные действия с предметами, добавим, при качественно новом, *сосредоточенном, внимании*. Они были вызваны изменениями природных условий обитания будущих людей в сторону обеднения. Иными словами, среда стала более враждебной, противостоящей, говорящей «нет» вместо «да». Она все более способствовала следованию требованиям принципа реальности, то есть откладыванию удовлетворения желаний.

В этой *репрессивной среде*, как считает, к примеру, М. Ф. Нестух¹, выжили не все человекоподобные, но прежде всего те, кто смог выработать более совершенную прямую походку на двух ногах (прямохождение). Прямохождение выработывалось на основании прежнего способа хождения приматов по толстым ветвям на задних конечностях при более или менее выпрямленном положении туловища, которое называется круриацией. Те приматы, которые чаще сородичей пользовались этим способом хождения по деревьям, оказались более приспособленными, так как освобожденные конечности теперь могли быть использованы для орудийной деятельности. Ко всему сказанному следует добавить и то, что по мнению некоторых исследователей, такая репрессивная социальная среда способствовала эволюции состояний аффекта, что в свою очередь вело к взаимопомощи и усложнению социальной структуры окружения гоминида [31]. А напряжение, вызванное постоянным аффективным состоянием, ежеминутным контролем и мониторингом эмоциональных и психических состояний соплеменников, способствует выработке постоянной бдительности, что приводит к развитию внимания [23].

К моменту изготовления первого орудия первобытный человек уже должен был обладать развитой психикой, которая, вероятно, получила развитие в социальной среде, отягощенной репрессивным природным окружением. Здесь, помимо прочих процессов, на этапе становления человека должен был проходить процесс расширения понимания антропоидными причинно-следственных отношений, навыками которых они обладали в скученном стаде, на причинно-следственные отношения, необходимые для изготовления орудий труда. Последними, как показала Н. Н. Ладыгина-Котс, приматы не обладали, но индикатором появления этих связей являются первые примитивные орудия труда. Дело в том, что приматы не закрепляют за орудием его «производст-

¹ «Репрессивная среда» – очень удачный термин М. Ф. Нестуха (см.: Нестух, М. Ф. Происхождение человека. М.: Наука, 1970), которым обозначается постоянный источник фрустрации.

венное», или «рабочее» значение. Предмет, который во время определенного эксперимента может служить примату орудием, после эксперимента теряет свое служебное значение и не хранится постоянно именно в качестве этого орудия. Человек же хранит произведенные орудия. Более того, даже у наиболее близких к человеку обезьян, в отличие от человека, нет способности к продолжительному сосредоточению и концентрации внимания. А ведь это один из факторов, необходимый для перехода к настоящей трудовой деятельности. Следовательно, к тем условиям, которые необходимы для становления человека, можно отнести и способность к концентрации внимания. Причем особую роль для выработки навыков такой концентрации играет очевидно репрессивная среда. Она же, помимо прочего, способствует тому, что человек начинает связывать события в прошлом и комбинировать возможные события в будущем, иными словами, осознавать себя во времени, развивая память. Такая возможность человека «мысленно путешествовать во времени, как считает Т. Зюддендорф, способствует лучшей адаптации человека и является основой для изменения окружающей среды [36, р. 133].

Само произведение орудий знаменует не только рождение человека, не только значительное изменение поведения антропоида, но и значительное изменение отношения к миру, к самому себе. Если ранее поведение примата было направлено на непосредственное удовлетворение потребности, желания, и удовлетворение желаний могло быть отсрочено по политическим причинам, то теперь ситуация существенно изменилась. Теперь в процессе становления, в общей деятельности человека, направленной на непосредственное удовлетворение потребности, выделяется особое действие, которое как раз не управляется непосредственной биологической потребностью и не направлено на скорейшее и непосредственное её удовлетворение. Это действие получает смысл и оправдано только при условии последующего, возможно отложенного во времени, использования его результатов. Следует заметить, что именно в появлении такого действия и заключается одно из важнейших изменений как структуры мышления, так и структуры поведения гоминида. Древний человек все больше начинает следовать не принципу удовольствия, удовлетворяя свои желания здесь и сейчас, но принципу реальности, разумным волевым усилием заставляя себя откладывать удовлетворение желаний на некоторое время. Такая отсрочка и является одной из характерных черт, которые присущи человеку разумному. Так, Н. Бишоф [14] предположил, что в процессе эволюции между влечением и действием соответственно этому влечению постепенно и неуклонно увеличивался разрыв. У человекообразных обезьян этот разрыв доста-

точно большой. Они могут отложить немедленное удовлетворение своих текущих влечений (желаний) и планировать их удовлетворение через некоторое время [37; 20, р. 1–101]. Иными словами, они тоже могут ставить себе запрет на определенные действия.

В работе «Так называемое зло» К. Лоренц [6, с. 136] пишет, что на ранних этапах истории человека, так же, как и у животных, действуют запреты, а не предписания. Эти запреты проявляются в виде инстинктивного торможения у животных и различных культурных запретов у людей. Однако в обоих случаях это негативный поведенческий императив, и только позже возможно развиваются позитивные поведенческие императивы, из которых формируется человеческое поведение.

Один из примеров поведения, в котором сталкиваются два мотива, описан в работе Р. Бирн и Дж. Бирн [18, р. 22–26], когда стая обезьян убила маленького котенка леопарда, как бы заместив им большого леопарда, которого они естественно убить не могли, а потом жалели убитого котенка.

Переходя к сравнению особенностей мышления и поведения как человекообразных, так и человека, следует подчеркнуть, что между ними наблюдается достаточное сходство. Более того, как считают некоторые исследователи, и мышление первобытного человека не отличается принципиально от мышления современного человека [4]. Исследования также показали, что психология аборигенов Австралии не является качественно иной по сравнению с психологией других народов на других континентах [34]. Сама Австралия в отношении исследования быта и психологии первобытных людей является для исследователей благодатной почвой, так как представляет собой мир, в котором человек был обнаружен в состоянии, предельно близком к первобытному, мир, в котором чудесным образом сохранилось прошлое человечества [24, р. 4]. В свое время один из крупнейших этнографов Ф. Боас [1, с. 113] также считал, что мышление первобытного человека аналогично мышлению современного человека и утверждал принципиальное единство человеческой психики на всех ступенях развития человека. О неизменности основных черт мыслительной деятельности человека в различные эпохи его исторического существования говорил И. М. Сеченов [10, с. 173].

Именно поэтому представляется интересным обратить внимание на те стороны психологии и мышления приматов, которые сходны с психологией и мышлением человека. К примеру, есть описания поведения приматов, которые не просто сходны или повторяют поведение и реакцию человека, но фактически представляют совершенно аналогичный тип реакции, который неизменно присутствует в поведении как

примата, так и человека, следовательно, он присутствовал в той или иной степени в поведении и реакции на раздражители и у первобытного человека.

В своей работе Н. Н. Ладыгина-Котс [5] описывает реакцию молодой обезьяны, которой дали зеркало. Однако для нас интересны не все действия обезьяны – попытки грызть зеркало, попытки заглянуть за него, попытки нащупать того, кто за зеркалом. Для нас интересен один маленький эпизод и описание этой реакции: найдя за зеркалом руку человека, обезьяна попыталась подтянуть ее себе, но, встретив сопротивление, впала в агрессию. Эта реакция интересна тем, что уже у обезьян прослеживается определенная схема поведения, которая также свойственна человеку: если попытка удовлетворить свое желание наталкивается на препятствие, то возникает агрессия по отношению к этому препятствию.

Приведенные примеры и исследования показывают, что человек прошел долгий путь становления. С одной стороны, в процессе этого становления психические механизмы и реакции на внешний мир пришли к человеку от его далекого предка и остались практически неизменными. С другой стороны, человек отличается от своего предка как раз тем, что некоторые психические процессы претерпели значительные изменения. Сравнительные исследования человека и обезьяны показывают, что обезьяны даже на пике своего развития остаются на уровне 3–4-летнего ребенка. А человек как бы «взрослеет» дальше. У него продолжают развиваться все те особенности мышления и психики, которые имелись у приматов и которые в дальнейшем привели к тому, что на определенном этапе их развития человек не только произвел орудия труда, но и весь огромный массив культуры, в том числе и религию. Скажем иначе, именно развитие таких качеств человека, как понимание причинно-следственных связей, память, внимание, воля привело к тому, что человек «изобрел» религию. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что религия представляет собой случайный побочный продукт, к тому же не обязательно полезный, эволюционного развития каких-то других свойств человеческого мышления, а также с тем, что склонность человеческого мозга к генерации и восприятию религиозных идей является полезной адаптацией, развившейся в ходе эволюции наряду с другими адаптивными свойствами мышления [33, р. 58–62; 17, р. 1038–1039]. Религия не адаптация, а суть человеческого существа, она исходит из самой природы человека, коренится в ней и развивается вместе со становлением человека.

Человек, становясь человеком, фактически начинает противопоставлять себя миру, он также понимает, что мир ограничивает его, и

такое сопротивление надо преодолевать. Любые ограничения – это ограничения, ведущие к усиленному поиску выхода из положения, заставляющие сопротивляться реальности, социальной либо природной (репрессивной среде). По своей сути, отделив себя от мира и вступив с ним в отношения, человек показал себя как существо принципиально становящееся, креативное, конфликтное. Он, по словам М. Шелера, занимает особое положение в мире и становится человеком благодаря сублимации духа. Шелер не случайно для описания процесса становления выбрал категорию сублимации, позаимствовав ее из психоаналитического учения З. Фрейда. Дело в том, что практически все психические механизмы, рассмотренные нами на примере исследований приматов, в том же виде повторяются у человека. И именно эти древние, архаические пути работы психики, проявляющиеся в бессознательном, при всех противоречивых мнениях настолько удачно исследовал З. Фрейд, что М. Шелер успешно применил терминологию психоанализа и психоаналитической философии при рассмотрении природы человека.

Библиографический список

1. Боас, Ф. Ум первобытного человека / Ф. Боас. – М.-Л., 1926. – С. 113.
2. Гудолл, Дж. Шимпанзе в природе: поведение / Дж. Гудолл. – М.: Мир, 1992. – С. 429.
3. Иорданский, Н. Н. Эволюция жизни / Н. Н. Иорданский. – М.: Академия, 2001. – 425 с.
4. Кабо, В. Р. Круг и крест / В. Р. Кабо. – М.: Восточная литература, 2007.
5. Ладыгина-Котс, Н. Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях / Н. Н. Ладыгина-Котс. – М.: Изд. Гос. Дарвиновского музея, 1935. – 596 с.
6. Лоренц, К. Так называемое зло. К естественной истории агрессии // Лоренц К. Обратная сторона зеркала: пер. с нем. / под ред. А. В. Гладкого; сост. А. В. Гладкого, А. И. Федорова; послесловие А. И. Федорова. – М.: Республика, 1998. – С. 61–242; с. 136.
7. Мак-Фарленд, Д. Поведение животных: психобиология, этология и эволюция: пер. с англ. / Д. Мак-Фарленд. – М.: Мир, 1988. – С. 440.
8. Петровский, А. В. Общая психология / А. В. Петровский. – М., 1976. – С. 23–24.
9. Рогинский, Я. Я. Проблемы антропогенеза / Я. Я. Рогинский. – М.: Высшая школа, 1977. – 263 с.
10. Сеченов, И. М. Избранные произведения / И. М. Сеченов. – М., 1952. – Т. 1. – С. 173.
11. Фабри, К. Э. Основы зоопсихологии: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальностям «Психология», «Биология», «Зоология» и «Физиология» / К. Э. Фабри. – 3-е изд. – М.: Российское психологическое общество, 1999. – 464 с.

12. Фирсов, Л. А. Предисловие редактора перевода / Л. А. Фирсов // Гудолл Дж. Шимпанзе в природе: поведение / пер. с англ. – М.: Мир, 1992. – С. 5.
13. Barton, R. A., Dunbar R. I. M. Evolution of the social brain // *Machiavellian Intelligence II*, ed. A. Whiten & R. W. Byrne. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 240–263.
14. Bischof, N. *Das Ratzel Odipus [The Oedipus riddle]*. – Munich: Piper, 1985.
15. Boesch, C. Teaching wild chimpanzees // *Animal Behavior*. – 41. – 1991. – P. 530–532.
16. Boesch, C. New elements of a theory of mind in wild chimpanzees // *Behavioral and Brain Sciences*. – 15. – 1992. – P. 149–150.
17. Boyer, P. Religion: bound to believe? // *Nature*. – 2008. – V. 455. – P. 1038–1039.
18. Byrne, R. W., Byrne, J. M. Leopard killers of Mahale // *Natural History*. – 3. – 1988. – P. 22–26.
19. Byrne, R. W., Whiten, A. (Ed.) *Machiavellian Intelligence: Social Expertise and the Evolution of Intellect in Monkeys, Apes, and Humans*. – New York: Oxford University Press, 1988.
20. Byrne, R. W., Whiten, A. Tactical deception in primates: The 1990 database // *Primate Report*. – 27. – 1990. – P. 1–101.
21. Byrne, R. W., & Whiten, A. Cognitive evolution in primates // *Man*. – 27. – 1992. – P. 609–627.
22. Byrne, R. W. The evolution of intelligence // P. J. B. Slater & T. R. Halliday (Eds.), *Behavior and evolution*. – London: Cambridge University Press, 1994. – P. 223–265.
23. Chance, M. R. A., Mead, A. P. Social behavior and primate evolution: Paper read at Symposia of the Society for Experimental Biology VII. – 1953.
24. Chase, A., Sturmer, J., von. “Mental Man” and social evolutionary theory // G. E. Kearney, P. R. de Lacey, G. R. Davidson (Eds.), *The psychology of Aboriginal Australians*. – Sydney: John Wiley, 1973. (3–15). – P. 4.
25. Dohl, F. Zielorientiertes Verhalten beim Schimpansen [Goal-directed behavior in chimpanzees] // *Naturwissenschaft und Medizin*. – 34. – 1970. – S. 43–57.
26. Dunbar, R. I. M. Why are apes so smart? *In*: P. Kappeler, M. Pereira (Ed.), *Primate Life Histories and Socioecology*. Chicago: Chicago University Press, 2003. PP. 285–298.
27. Fouts, R. S., Fouts, D. H., van Cantfort, T. The infant Loulis learns signs from cross-fostered chimpanzees // R. A. Gardner, B. T. Gardner, & T. E. van Cantfort (Eds.), *Teaching sign language to chimpanzees*. – New York: State University of New York Press. – 1989. – P. 280–292.
28. Hayes, C. *The ape in our house*. – New York: Harper & Brothers, 1951; Savage-Rumbaugh, E. S. *Ape language: From conditioned response to symbol*. – New York: Columbia University Press, 1986.
29. Humphrey, N. The social function of intellect // P. P. G. Bateson & R. A. Hinde (Ed.), *Growing Points in Ethology*. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1976. – P. 303–317.
30. Kohler, W. *The mentality of apes* (E. Winter, Trans.). – London: Routledge & Kegan Paul, 1917/1927.

31. Lewis, T., Amini, F., Lannon, R. A general theory of love. 1st ed. – New York: Random House, 2000.
32. Meador, D. M., Rumbaugh, D. M., Pate, J. L., Bard, K. A. Learning problem solving, cognition, and intelligence // J. Erwin (Ed.) Comparative primate biology: Vol. 2B. – New York: Alan R. Liss, 1987. – P. 17–83.
33. Norenzayan, A., Shariff, A. F. The origin and evolution of religious prosociality // *Science*. – 2008. – V. 322. – P. 58–62.
34. Porteus, S. D. The Psychology of a Primitive People: a study of the Australian Aborigine // G. E. Kearney, P. R. de Lacey, G. R. Davidson (Eds.) The psychology of Aboriginal Australians. – Sydney: John Wiley, 1973.
35. Savage-Rumbaugh, E. S., McDonald, K. Deception and social manipulation in symbol-using apes // R. W. Byrne & A. Whiten (Eds.) Machiavellian intelligence. – Oxford: Clarendon Press, 1988. – P. 224–237.
36. Suddendorf, T., Corballis, M. C., Mental time travel and the evolution of the human mind // *Genetic, Social & General Psychology Monographs*. – May 97. – Vol. 123. – Issue 2. – P. 133, 135.
37. Waal, de, F. B. M. Chimpanzee politics. – London: Jonathan Cape, 1982.
38. Waal, de, F. B. M. Chimpanzee politics: power and sex among apes. Rev. ed. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1998.
39. Whiten, A., Byrne, R. W. The emergence of meta-representation in human ontogeny and primate phylogeny // A. Whiten (Ed.) Natural theories of mind: Evolution, development, and simulation of everyday mindreading. – Oxford: Blackwell, 1991. – P. 267–281.